

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.49.34>

**КАТЕГОРИЯ ОБОБЩЕННОСТИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛЕЙ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ТЕКСТАХ-
ВОСПОМИНАНИЯХ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX ВЕКА–НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Научная статья

Ракова И.В.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0003-4707-8422;

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (irina_rakova[at]mail.ru)

Аннотация

Целью данного исследования является рассмотрение категории обобщённости с точки зрения её роли в реализации речевого поведения в текстах-воспоминаниях на примере рассказов Ю.В. Трифонова, повести Г. Балла «Князь нашего двора» и рассказов Л.И. Менакера.

Научная новизна работы состоит в изучении текста-воспоминания в когнитивно-дискурсивном аспекте, что позволяет установить модели речевого поведения, имеющие принципиальное значение для процесса распределения внимания (аттенциональности).

В результате исследования удалось выявить две модели речевого поведения.

Для первой модели характерен концепированный автор, иллокутивной целью которого становится «скрыть личное, интимное переживание за всеобщим «Я», которое оказывается в фокусе. Иллокутивная цель второй модели – нивелировать своё «Я», которое выводится из поля зрения, и передать историческую специфику времени, на которую направляется фокус, при этом также реализуется принцип эмпатии: адресат, сопереживая повествователю, сближается с ним и активизирует в своём сознании скрытую информацию, к которой и апеллирует повествователь.

Ключевые слова: речевое событие, модели речевого поведения, иллокутивная цель, стратегия фокусирования, текст-воспоминание.

**THE CATEGORY OF GENERALITY IN THE IMPLEMENTATION OF MODELS OF SPEECH BEHAVIOUR IN
TEXTS-MEMOIRS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE XX–EARLY XXI CENTURY**

Research article

Rakova I.V.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0003-4707-8422;

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (irina_rakova[at]mail.ru)

Abstract

The aim of this study is to examine the category of generality from the point of view of its role in the implementation of speech behaviour in texts-memoirs on the example of Y.V. Trifonov's short stories, G. Ball's story "The Prince of our Court" and L.I. Menaker's stories.

The scientific novelty of the work consists in the study of the text-memoir in the cognitive and discursive aspect, which makes it possible to establish models of speech behaviour that are of fundamental importance for the process of attention allocation (attentional).

As a result of the study, it was possible to identify two patterns of speech behaviour.

The first model is characterized by an empathetic author whose illocutionary goal is to "hide his personal, intimate experience behind the universal "I", which is in focus. The illocutionary purpose of the second model is to levelling the self, which is taken out of the field of vision, and to convey the historical specificity of the time, to which the focus is directed; in this case, the principle of empathy is also implemented: the addressee, empathizing with the narrator, gets closer to him and activates in their consciousness the hidden information to which the narrator appeals.

Keywords: speech event, patterns of speech behaviour, illocutionary objective, focusing strategy, memoir text.

Введение

Актуальность данного исследования обуславливается усиливающимся интересом к изучению когнитивно-дискурсивных стратегий фокусирования и де-фокусирования как явлений, отражающих точку зрения говорящего на описываемые ситуации. Повышение интереса к данной сфере связано во многом с «углублением функционализма в лингвистике, которая рассматривает языковые феномены как инструмент решения проблем в области индивидуальных, социальных и этнокультурных отношений» [1, С. 245].

Количество работ об аттенциональности как феномене весьма значительно, при этом в качестве одной из основных проблем выделяется вопрос о природе фокуса и критериях его выявления. Во многих исследованиях демонстрируется связь между распределением внимания и грамматическими явлениями, особенно – синтаксическими (работы Кубряковой [2], Джэкендффа [3], Тэлми [4]). В то же время обращается внимание на разнородную природу, многоаспектность и разнородность фокуса, а также на вероятностный характер критериев, что в конечном счёте указывает на контекстозависимость и контекстоориентированность процесса распределения внимания.

По мнению Ирисхановой, «события и участники событий не выдвигаются на передний план и не задвигаются на задний план сами, это делает автор текста или говорящий в конкретном акте коммуникации» [1, С. 191].

При этом важным становится тип сообщаемой информации и её структура, а также сам процесс передачи информации и координация и /или ориентация на реципиента.

С точки зрения роли адресата при построении модели речевого поведения особого интереса заслуживает монологическая речь как «интраперсональный речевой акт» [5], при котором в основу ментального пространства говорящего ложится диалогический принцип.

Человек познаётся через семиотическую деятельность, предполагающую существование «иного сознания». Очевидно, что изучение «интраперсонального речевого акта» в когнитивно-дискурсивном аспекте даёт возможность выявить модели речевого поведения, имеющие принципиальное значение для процесса распределения внимания. Незазванный, но предполагаемый и «вливающий» на процесс коммуникации адресат выстраивает, расширяет, проявляет образ говорящего.

Задачи исследования сводятся к следующему:

- 1) выявить и описать репрезентанты категории обобщенности в исследуемых текстах;
- 2) установить модели речевого поведения в зависимости от иллокутивной цели говорящего и направления фокуса.

Методы и принципы исследования

Методы исследования включают метод наблюдения, сравнения и логического сопоставления, методы дистрибутивного анализа и филологической интерпретации.

Теоретической базой исследования выступают работы, ориентированные на изучение категории обобщенности (работы Н.Д. Арутюновой [6], Т.В. Бульгиной, А.Д. Шмелёва [7], Е.В. Падучевой [8]). При изучении специфики процесса аттенциональности в художественном тексте базовыми работами стали исследования О.К. Ирисхановой [1], Е.С. Кубряковой [2], Т.В. Бульгиной, А.Д. Шмелёва [7].

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в структурировании моделей речевого поведения и разработке механизмов интерпретации речевого события в текстах-воспоминаниях, а также в преподавании вузовских курсов по лингвистике текста, по филологическому анализу и стилистике художественного текста.

Материалом для исследования послужил ряд текстов, реализующих жанр воспоминания в литературе конца XX века-начала XXI века: рассказы Ю.В. Трифонова, вошедшие в сборник «Опрокинутый дом», повесть Г. Балла «Князь нашего двора» и рассказы Л.И. Менакера, вошедшие в сборник «Калейдоскоп».

Основные результаты

Исследование лексико-синтаксической и композиционной организаций указанных выше текстов позволило выявить, что при всём разнообразии форм повествования говорящий реализует себя в двух ипостасях:

- как субъект событийного повествования;
- как субъект, анализирующий сообщаемое событие.

Данным ипостасям соответствуют различные речевые фрагменты: сообщения о фактах внешней и внутренней жизни, реализованные в информативном регистре, и суждения в генеритивном регистре, организованные с помощью синтаксических конструкций, в рамках которых применяется техника «значимого отсутствия» [9].

«Помалкивая, изумлённо слушал саркастические реплики, злой юмор, произносимые людьми, хорошо информированными о происходящем в правительственных кабинетах. // Нынче за юмор не сажают, но в многочисленных компаниях такие шуточки опасны» [10, С. 52].

«Потом всю кожей и задохнувшись сердцем вдруг почуял разницу между нами: мною тем и сегодняшним. // Нельзя править то, что не подлежит правке, что недоступно прикосновению — то, что течёт сквозь нас» [11, С. 521].

При этом, при появлении обобщенности в повествовании возникают различные варианты референции: к самому говорящему, обобщая его опыт, к наблюдателю со стороны, часто коллективному и к «комплексному» наблюдателю, включающему говорящего.

Следовательно, логичным становится вопрос о характере взаимоотношений говорящего и реципиента, то есть об интенциональном аспекте речевого события. В данном случае мы следуем за Т.М. Дридзе, в основе теории которой лежит «коммуникативное намерение создателя высказывания, а также степени адекватности интерпретации партнёром той или иной интенции» [12]. Важным становится «иллокутивный» и «перлокутивный» акт [7], а также то, что оказывается в фокусе говорящего при той или иной иллокуции.

Анализ вышеуказанных блоков позволяет говорить о присутствии двух моделей речевого поведения.

Для первой модели характерно «Я» говорящего лица со своим внутренним миром, наблюдениями, переживаниями и осмыслением, которые являются отправной точкой, но данные переживания, осмысления не единичны, а многократны, что даёт возможность перейти на этап обобщения пережитого. При этом средства, организующие данные фрагменты, весьма разнообразны:

- лексемы с субстантивно-прономинальной семантикой, а также десемантизированное слово «человек»:

«Всё живое связано друг с другом» [11, С. 542].

«Человек не может себя заставить не думать о глупостях» [11, С. 535].

- местоимения в форме первого лица множественного числа:

«Летающие любовники Шагала – это мы все, кто плавает в синем море судьбы» [11, С. 550];

«Сухова у нас зима, а какая погода – такая и власть» [13].

- глагольные формы «вневременного настоящего»:

«Великие возможности не имеют размеров; они имеют лишь запах, лишь ветер, от которого холодеет душа» [11, С. 541].

«Перемена судьбы происходит внезапно» [11, С. 541].

- местоимения второго лица в обобщённом значении и односоставные обобщённо-личные предложения с глаголами в форме второго лица единственного числа:

«Сначала от шума моря не спишь, потом привыкаешь» [11, С. 541].

«Какой-то бред: идёшь прекрасным тропическим вечером в толпе близ моря, среди запахов сырой и жареной рыбы, <xxx> и не в силах отвязаться от глупостей» [11, С. 535].

«Раздвинешь камыши, и ноги проваливаются в торф» [13].

«Открываешь дверь – и сразу на тебя наплывает иной мир» [13].

Объединяет же всё это многообразие средств раскрытие внутреннего мира говорящего с последующим его обобщением.

В связи с этим важным является то, что наряду с рассматриваемыми «генерализациями» личностного опыта в текстах присутствуют и собственно «внеличностные истины», представляющие собой «универсальные высказывая, отражающие не общеизвестные, а новые знания и функционирующие в рамках утверждений, мнений и личных выводов» [14].

В данных высказываниях всеобщность задана всем контекстом. Выступающие в качестве субъектов, сочетания «всё живое», «великие возможности», лексема «человек» нивелируют конкретно-личную отнесённость: она уходит из фокуса говорящего.

Оказываясь в одном контексте, данные блоки отображают следующую схему высказывания: «суждение-афоризм-его аргументация».

«Человек не может себя заставить не думать о глупостях» [11, С. 535].

«Какой-то бред: идёшь прекрасным тропическим вечером в толпе близ моря, среди запахов сырой и жареной рыбы, <xxx> и не в силах отвязаться от глупостей» [11, С. 535].

Таким образом, собственно универсальное высказывание используется в качестве посыла, а «обобщённо-личное» изображает реальную ситуацию, доказывающую справедливость высказанного суждения. Исходя из сказанного, можно предположить, что перед нами два типа «обобщения»:

- собственно обобщение;
- имитация обобщения, при которой личностный опыт подаётся как общий.

Данную ситуацию А.М. Пешковский определяет как способ сокрытия «интимных, глубоко личностных переживаний»: «В этих случаях обобщительная форма сочетания получает глубокое жизненное и литературное значение. Она является тем мостом, который соединяет личное с общим, субъективное с объективным. И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его на показ перед всеми, тем охотнее он облакает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех, в том числе и на слушателя, который в силу этого более захватывается повествованием, чем при личной форме» [15, С. 370]. При этом модусную рамку мы можем определить как «я рассказываю о том, что делал и что делал каждый на моём месте», а содержательно-фактуальный характер сообщения трансформируется в содержательно-концептуальный.

Иллокутивная цель – скрыть личностный опыт за всеобщим, перлокутивный акт-восприятие говорящего как носителя общих знаний и опыта.

Вторая модель речевого поведения, представленная в исследуемых текстах, демонстрирует «отстранение» говорящего как участника событий, при том, что темой речевого события выступает его личный опыт, включённый в исторический контекст. В данных блоках преобладают неопределённо-личные предложения.

«Полностью скрыть связи со злокозненным антиреалистом было, разумеется, невозможно, ибо помнили, как в начале 30-х Иону Александровича стегали публично на дискуссиях» [11, С. 550].

«Ах, всё устроилось, кажется, само собой: отпала нужда в ухе, импрессионистов перестали считать подозрительными, Шагала начали поминать без брани» [11, С. 554].

«Здесь тоже убивали, преследовали, брали в плен, мечтали о мировой революции» [13].

«Не то что взрослые, но любой пацан знал, что это и есть шпион. <xxx> Шпиона арестовывали. Сажали в железный «воронок». Увозили куда надо» [13].

Спецификой неопределённо-личных предложений является, как известно, «несущественность референта» [8], однако в приведённых примерах референтом становится описываемая идеологическая и политическая система. Третьеличный нуль в данном случае приобретает обобщённо-референтный статус, «родовую референцию» [8] и выражает отказ говорящего прямо указывать на участника событий. Говорящий уходит от прямой номинации, что также является специфической чертой описываемых реалий.

При «родовой референции» говорящий исключается из множества лиц, которые могут выступать в качестве потенциальных субъектов. В итоге возникает значение типичного, коллективного действия, от которого дистанцируется говорящий, занимая позицию наблюдателя.

Часто наблюдается противопоставление референций, когда в одном фрагменте обнаруживается прикрепленность высказывания и к определенному субъекту модуса, и к обобщённому, коллективному субъекту.

В «Опрокинутом доме» Я субъекта сознания проявляется посредством предиката внутреннего состояния, функционирующего как вводное слово «кажется»: в данном случае «мне кажется», и оказывается противопоставленным третьеличному нулю, в котором, как уже отмечалось, говорящий дистанцируется:

«... всё устроилось, кажется, само собой: отпала нужда в ухе, импрессионистов перестали считать подозрительными, Шагала начали поминать без брани» [11, С. 554].

В рассказе Менакера «Генеральная репетиция» Я-модусная рамка проявляется благодаря личному местоимению «моя» и также противостоит коллективному субъекту.

«на дворе был 55, а не 37, но душа моя ушла в пятки. Что, если трюк с Бабой-Ягой сочтут обдуманной провокацией» [10, С. 99].

В рассматриваемых примерах эта оппозиция «личное и коллективное, массовое» маркирует с одной стороны отстранённость говорящего, его дистанцированность от описываемых исторических событий, а с другой стороны – вводит в фокус реалии описываемой эпохи. В этом проявляется интенция рассматриваемых фрагментов – передать специфику, идеологию реальных исторических событий, значимых для коллективной памяти социума.

Можно предположить, что в рассматриваемых примерах перед нами принцип эмпатии: адресат, сопереживая повествователю, сближается с ним и активизирует в своём сознании скрытую информацию, к которой и апеллирует повествователь. В силу же специфики категории обобщённости, сопереживание-осмысление выходит за рамки индивидуальной истории и, обращаясь к всеобщему опыту, генерализируется.

Возникает дискурс, где активизируется как сознание адресанта, так и сознание адресата. При этом в фокусе оказываются детали, факты, ситуации, характерные для конкретного временного периода и предстающие как символы цитируемой культуры, что даёт возможность «воспринимать их как знаки, выполняющие функцию "культурного кода", знание которого позволяет индивидууму идентифицировать себя с данной лингвокультурной общностью» [16].

Иллокутивная цель данных высказываний – активизировать знания общей истории и культуры в рамках индивидуального сознания реципиента, перлокутивный акт – распознавая сообщаемую информацию как известную, приобщить себя к «лингвокультурной общности».

Заключение

Изучение реализаций обобщённых конструкций в текстах-воспоминаниях позволило выявить две модели речевого поведения, в результате которых структурируется два различных образа «обобщения личного опыта».

Для первой модели характерен концепированный автор, иллокутивной целью которого становится «скрыть личное переживание за всеобщим «Я». Говорящий уклоняется от прямой презентации своих ощущений и мыслей, переключая внимание реципиента на их универсальность. Формой выражения при этом выступают обобщённо-личные предложения.

Иллокутивная цель второй модели – нивелировать своё «Я», которое выводится из поля зрения, и передать историческую специфику времени, на которую направляется фокус. А также вскрыть и активизировать скрытые знания реципиента. В качестве тематического наполнения выступает личный опыт в рамках исторически значимых ситуаций. Формой выражения становятся неопределённо-личные предложения.

Получается, что обобщённое значение от повествователя может индивидуализироваться или «сливаться» с общим миронастроением в зависимости от коммуникативно-прагматической цели речевого события.

Также можно предположить, что категория обобщённости является одним из основных репрезентантов коммуникативной цели текста-воспоминания: кроме передачи «культурно значимой информации последующим поколениям» [17] данные конструкции участвуют в реализации таких интенций как «вызвать воспоминания в сознании реципиента о воспроизводимых в тексте реалиях», в результате чего происходит сближение ментальных сфер говорящего и реципиента, а также «скрыть личные, интимные переживания», дающая большую свободу в изображении событий, а также позволяющая «защитить своё «Я».

Дальнейшие перспективы исследования видятся в рассмотрении выделенных моделей поведения в рамках других текстах-воспоминаний, например, в современном литературном процессе, что позволит изучить данную тему во всей ее многогранности и полноте.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О.К. Ирисханова. — М.: Языки славянской культуры, 2014.
2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. — М.: ИЯ РАН, 1997.
3. Jackendoff R. Foundations of Language / R. Jackendoff // Brain, Meaning, Grammer, Evolution. — Oxford: Oxford University Press, 2002.
4. Тэлми Л. Феномены внимания / Л. Тэлми // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2006. — №2. — С. 23-44.
5. Медарич М. Автобиография/автобиографизм / М. Медарич // Автоинтерпретация : Сб. статей / под ред. Муратова А.Б., Иезуитовой Л.А. — СПб., 1998.
6. Арутюнова Н.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.А. Кибрик. — М., Наука, 1992.
7. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. — М., Школа «Языки русской культуры», 1997.

8. Падучева Е.В. Неопределённо-личные предложения и его подразумеваемый субъект / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. — 2012. — №1. — С. 27-41.
9. Булыгина Т.В. Синтаксические нули и их референциальные свойства / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Типология и грамматика. — М., 1990.
10. Менакер Л.И. Калейдоскоп / Л.И. Менакер // Звезда. — 2008. — №11.
11. Трифонов Ю.В. Опрокинутый дом / Ю.В. Трифонов. — М., 1999
12. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе. — М., Наука, 1984.
13. Балл Г. Князь нашего двора / Г. Балл // Знамя. — 2010. — №3. — URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/3/knyaz-iz-nashego-dvora.html> (дата обращения: 21.11.2023)
14. Радзиевская Т.В. Прагматический аспект афористических текстов / Т.В. Радзиевская // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1988. — Т. 47. — № 1.
15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. — М.: Учпедгиз, 1956.
16. Денисова Г.В. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики / Г.В. Денисова // Вопросы философии. — 1999. — №14.
17. Мызникова Я.В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» / Я.В. Мызникова // Вестник Пермского университета. — 2014. — 4(28).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Irisxanova O.K. Igrы` fokusa v yazy`ke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Games of Focus in Language. Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing] / O.K. Iriskhanova. — М.: Languages of Slavic Culture, 2014. [in Russian]
2. Kubryakova E.S. Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya [Parts of Speech from a Cognitive Point of View] / E.S. Kubryakova. — М.: FL RAS, 1997. [in Russian]
3. Jackendoff R. Foundations of Language / R. Jackendoff // Brain, Meaning, Grammar, Evolution. — Oxford: Oxford University Press, 2002.
4. Thelmy L. Fenomeny` vnimaniya [Phenomena of Attention] / L. Thelmy // Voprosy` kognitivnoj lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]. — 2006. — №2. — P. 23-44. [in Russian]
5. Medarich M. Avtobiografiya/avtobiografizm [Autobiography/Autobiographism] / M. Medarich // Avtointerpretaciya [Autointerpretation] : Collection of articles / edited by A.B. Muratov, L.A. Jesuitova. — SPb., 1998. [in Russian]
6. Arutyunova N.D. Chelovecheskij faktor v yazy`ke: Kommunikaciya, modal`nost`, dejksis [The Human Factor in Language: Communication, Modality, Deixis] / N.D. Arutyunova, T.V. Bulygina, A.A. Kibrik. — М., Nauka, 1992. [in Russian]
7. Buly`gina T.V. Yazy`kovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki) [Language Conceptualization of the World (on the material of Russian grammar)] / T.V. Bulygina, A.D. Shmelev. — М., School "Languages of Russian Culture", 1997 [in Russian]
8. Paducheva E.V. Neopredelyonno-lichny`e predlozheniya i ego podrazumevaemy`j sub`ekt [Indefinite-personal Sentences and its Implied Subject] / E.V. Paducheva // Voprosy` yazy`koznaniya [Issues of Linguistics]. — 2012. — №1. — P. 27-41. [in Russian]
9. Buly`gina T.V. Sintaksicheskie nuli i ix referencial`ny`e svoystva [Syntactic Zeros and Their Referential Properties] / T.V. Bulygina, A.D. Shmelev // Tipologiya i grammatika [Typology and Grammar]. — М., 1990. [in Russian]
10. Menaker L.I. Kalejdoskop [Kaleidoscope] / L.I. Menaker // Zvezda. — 2008. — №11. [in Russian]
11. Trifonov Ju.V. Oprokinutyj dom [Overturned House] / Y.V. Trifonov. — М., 1999 [in Russian]
12. Dridze T.M. Tekstovaya deyatel`nost` v strukture social`noj kommunikacii: Problemy` semiosociopsixologii [Textual Activity in the Structure of Social Communication: Problems of Semiosociopsychology] / T.M. Dridze. — М., Nauka, 1984. [in Russian]
13. Ball G. Knjaz' nashego dvora [Prince of Our Court] / G. Ball // Znamja. — 2010. — №3. — URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2010/3/knyaz-iz-nashego-dvora.html> (accessed: 21.11.2023) [in Russian]
14. Radzievskaya T.V. Pragmaticheskij aspekt aforisticheskix tekstov [Pragmatic Aspect of Aphoristic Texts] / T.V. Radzievskaya // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Ser. Lit. and Lang]. — 1988. — Т. 47. — № 1. [in Russian]
15. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii [Russian Syntax in Scientific Coverage] / A.M. Peshkovsky. — М.: Учпедгиз, 1956. [in Russian]
16. Denisova G.V. Interpretaciya kak instrument i kak ob`ekt lingvistiki [Interpretation as a Tool and as an Object of Linguistics] / G.V. Denisova // Voprosy` filosofii [Questions of Philosophy]. — 1999. — №14. [in Russian]
17. My`znikova Ya.V. Kommunikativny`e osobennosti dialektного rechevogo zhanra «rasskaz-vospominanie» [Communicative Specifics of the Dialect Speech Genre "Story-Reminiscence"] / Y.V. Myznikova // Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of Perm University]. — 2014. — 4(28). [in Russian]